

Бусики

Алекс Гарридо

Я подарил ей бусики на день рождения. Вообще-то она просила подарить ей соли. Нет, не просто соли, а соли именно без добавок, без ярких надписей и мельтешащих картинок на упаковке. Ей хотелось соли в картонной коробке с синими полосами — именно в грубой картонной коробке с разошедшимися краями. Чтобы сероватые кристаллики сыпались из нее на ладонь и затем легко стряхивались, не оставляя вездливого запаха искусственных пряностей.

Она чудачкой была. Всегда хотела не такого, как у всех. Без игры или выпендрежа — искренне. Поэтому мы и встречались с ней. «Все не как у людей», —

ворчала ее мать, уверенная, что Кларисса помогает мне по математике.

Но мать сама была та еще штучка! Второго ребенка ей не хотели отдавать — собирались отправить на утилизацию, поскольку у него была большая вероятность развития синдрома Гойта-Леви. Но мать настояла, забрала малюго под свою ответственность. За что и поплатилась ранней сединой и одиночеством. Кому она нужна с большим ребенком!

«Мы — подпольщики», — гордо говорила Кларисса, когда мы тайком целовались, для виду не выпуская из рук планшетов. И просила подарить ей соли.

Бусики стоили в три раза дешевле, но мне едва-едва на них хватило. Они лежали рядом на витрине антикварной лавки: картонная коробка с синими полосами и нитка самых настоящих бус. Я помнил — Кларисса мне не раз рассказывала, как в детстве мечтала о таких. Но брат постоянно болел, а у матери не было денег на «баловство».

И я купил ей бусики.

Разве я мог знать?

Она обрадовалась. «Ой, бусики! — сказала, будто я подарил ей живой солнечный зайчик. — Настоящие».

Я соврал ей, соврал: дескать, соли не было, не нашел. Затем поклялся, что вскоре, когда устроюсь на работу, обязательно подарю ей пуд чистой соли и мы съедим его вместе, ложками, прямо из картонных коробок. Она смеялась. Меж вытянутых пальцев развесила гирлянду прозрачных шариков, дышала на них. «Какой ты молодец, — качала головой. — Теперь можно пожелать что угодно — и все сбудется. Сколько угодно соли».

Согретые ее дыханием, бусики оживали, шарики наполнялись еле заметным свечением. Кларисса выбрала оранжевый, покатала его в пальцах — он разгорелся ярче, стал как крохотный апельсин. Кларисса зажмурилась. «Я хочу, — с силой произнесла она, — я хочу, чтобы мы могли жить вместе и не прятаться!»

Шарик лопнул с тихим мелодичным звоном. Запахло леденцами.

Но дальше дело застопорилось. Она называла по десятку желаний в час, но шарики, явно без дела, лишь нарядно светились у нее на шее. Она не тронула больше ни одного, и целых три дня. Пока мы не встретили Майку с Кристиной. Майка рыдала посреди улицы, а Криста, набычившись, стояла рядом и грозно оглядывала прохожих: не смешно ли кому, что семнадцатилетняя девица прилюдно ревет захлеб?

Криста знала про нас, причем с самого начала. Мы с Клариссой познакомились у нее на вечеринке, и Криста тогда сказала: «Что же вы пялитесь друг на друга, как

маньки? На вас уже внимание обращают! Идите в мою спальню. Только по одному, и чтоб никто не просек, извращенцы хреновы!» Ну а что знает Криста, то Майка будет знать не позже чем через три минуты...

И вот Майка ревет посреди улицы, а Криста даже не пытается ее утешать. Понятно, Кларисса кидается к ним, а я останавливаюсь у рекламной будки, будто совсем тут ни при чем. Майка, не прекращая всхлипывать, сразу обнимает Клариссу и буквально вешается у нее на шее, а Криста, видя это, еще больше хмурится и тут что-то произносит резко — будто горькое выплевывает... Что дальше? Кларисса еще в течение минуты постояла с Майкой, глядя ее по все еще вздрагивающей спине.

Потом мы с Клариссой шли по аллейке, причем убрал руки в карманы — и она, и я. Потому что давно заметили: если руки не держать в карманах, то они сразу тянутся друг к другу и пальцы переплетаются намертво! Но тут же, как из-под земли, выскакивает какая-нибудь бабушка. Мы, как всегда, отпрыгиваем друг от друга, будто ошпаренные, а бабушка долго-пристально смотрит нам вслед...

И вот мы шли, втиснув руки в карманы, а потом Кларисса вынула правую руку и нащупала шарик на шее. Зеленый. Он весело тренькнул, лопаюсь в ее пальцах, и в носу защипало от запаха лимона и перца.

Целый месяц из Кристи нельзя было вытянуть и слова, а Майка все редела, но вот странно, улыбка растягивала ее рот до ушей, а у Кристи было лицо человека, чудом выскочившего из-под обвалившегося здания. «Анализ отрицательные», — хрипло бросила она, и Кларисса присяла.

«Вот видишь, — потом говорила она мне, пока я стягивал белые кружевные трусики с ее твердых коричневых бедер, — вот видишь, бусики ведь настоящие. Кресте ставили Вайсмана, первая серия анализов... Ой, подожди... А потом... Тими, ну подожди!..»

Над нами свистели, пролетая, поезда, и, может быть, мы сами сейчас честно зарабатывали рак всех видов, скорчившись в обнимку в техтоннеле среди переплетающихся полей, под ударами волн и частиц, но где еще могли быть уверены, что никто не застучает нас, сумасшедших извращенцев. И я делал это с ней, я делал это с ней, я делал это. Она этого хотела. Я этого хотел. Мы так хотели этого, что готовы были умереть сию минуту, то есть сразу как только, сразу после. Отсроченная на месяцы или даже годы смерть нас не пугала. Тем более что мы оба знали: вместе (то есть открыто, не таясь) не сможем быть никогда! Мы брали то единственное, чем располагали. Брели, не приберегая ничего на потом. Потому что никакого «потом» у нас не было. А кроме всего

